

Генрих Али Баба

ЭХО ТИШИНЫ

ОНИ ИСКАЛИ ОРУЖИЕ,
А СОЗДАЛИ КОШМАР,
КОТОРЫЙ НЕ ИМЕЕТ ЗВУКА.

ОБЪЕКТ «БЛАНК»
УРОВЕНЬ ДОПУСКА: Ω
ТИШИНА — ПРОТОКОЛ
ПАМЯТЬ — ЦЕЛЬ

МК-ULTRA

ПРОЕКТ ПО КОНТРОЛЮ
СОЗНАНИЯ

CONFIDENTIAL

LSD-25
ДИЭТИЛАМИД
ЛИБЕРТИНОВОЙ
КИСЛОТЫ

PETER MASON

СЕКРЕТЫ, ПОГРЕБЁННЫЕ ПОД БЕТОНОМ.
ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КОТОРЫЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ ДО СИХ ПОР.

18+

Генрих Апи Баба

Эхо тишины

«Автор»

2026

Апи Баба Г.

Эхо тишины / Г. Апи Баба — «Автор», 2026

В квартире на верхнем этаже — ни следов взлома, ни криков, ни поднятой на ноги охраны. Только тишина, слишком плотная, чтобы быть просто отсутствием звука. Смерть, которая не оставляет улики, оставляет эхо — и оно не даёт покоя тем, кто пытается разобрать его на голоса. По мере того, как следствие продвигается, становится ясно: тишина здесь — не пустота, а оружие. Кто-то умеет убивать так, что единственный свидетель — тело. А тело молчит. Холодный, выверенный триллер о расследовании, в котором самая громкая улика — то, чего никто не услышал.

© Апи Баба Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. НУЛЕВОЙ УРОВЕНЬ	5
Сцена 1. Фундамент	5
Сцена 2. Директива «Черный квадрат»	7
ГЛАВА 1. ЛАБОРАТОРИЯ № 4	8
Сцена 1. Стерильный ад	8
Сцена 2. Объект № 17	9
Сцена 3. Дневник распада	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Генрих Апи Баба

Эхо тишины

ПРОЛОГ. НУЛЕВОЙ УРОВЕНЬ

Сцена 1. Фундамент

14 ноября 1954 года. Округ Фэрфакс, Вирджиния.

02:40 ночи.

Дождь со снегом превратил красную вирджинскую глину в липкое месиво. Строительный котлован глубиной с трёхэтажный дом напоминал разорванную рану на теле лесного массива. Вокруг шипели прожекторы, выхватывая из темноты выхлопы дизельных генераторов и тяжелые туши бетономешалок. Официально здесь строился резервный архив Министерства обороны. Неофициально — объект «Бланк».

На краю котлована, у самого бруствера, стояли двое. На обоих были длинные непромокаемые пальто и мягкие шляпы, с полей которых стекала вода.

Человек постарше — с аккуратными усами и в очках в тонкой роговой оправе — докуривал сигарету, пряча огонёк в ладони от порывов ветра. Это был Ричард Хейз.

— Вы уверены, что смесь застынет без трещин при такой температуре, Ричард? — спросил второй, переминаясь с ноги на ногу. В его голосе не было сочувствия — только скука чиновника, задержавшегося на объекте дольше намеченного.

— В состав добавлен хлористый кальций, — сухо ответил Хейз, взглянув на золотые часы. — Экспресс-схватывание. Через четыре часа здесь будет монолитная плита толщиной в шесть футов. Ни один георадар не пробьёт.

У подножия желоба бетоносмесителя, прямо на дне котлована, лежал человек.

Его руки и ноги были стянуты армированным скотчем, рваная рубашка на груди намокла от грязи и крови. Это был Питер Мейсон, старший инженер-гидролог проекта. Три дня назад Мейсон совершил роковую ошибку: наткнувшись на чертежи замкнутой системы вентиляции с фильтрами тонкой очистки и морга, он задал слишком много вопросов своему начальству.

Мейсон был ещё жив. Его левый глаз заплыл от гематомы, но правым — расширенным от смертельного ужаса — он смотрел вверх, туда, где на фоне слепящего прожектора темнели силуэты двух мужчин. Через кляп из пористой губки вырывалось только глухое, булькающее мычание.

— Он был отличным специалистом, — произнёс второй чиновник, стряхивая каплю с полей шляпы. — Жаль. У него, кажется, две дочери?

— У него был порок сердца, который мы вовремя не разглядели, — ответил Хейз. — Порок называется «лишняя совесть». В нашем деле это смертельный диагноз.

Хейз сделал короткий жест рукой машинисту.

С металлическим лязгом заслонка бункера поднялась. Из широкого лотка с глухим, чавкающим звуком вывалилась первая тонна серой, густой, дымящейся массы.

Бетон обрушился Мейсону на ноги. Из его груди вырвался вопль, захлебнувшийся в губке. Смесь была тяжёлой, холодной и обладала высоким щелочным pH — она мгновенно начала разъедать открытые участки кожи, проникая в глаза и носоглотку. Мейсон забился, изгибаясь дугой, пытаясь вынырнуть из этого серого омута, но следующая порция раствора накрыла его до пояса.

Хейз наблюдал за процессом с клиническим интересом. В его глазах не было ни злобы, ни садизма — только холодная фиксация физиологической реакции объекта на иммерсию в плотную среду.

— Посмотрите, — тихо сказал Хейз, указывая пальцем вниз. — Инстинкт самосохранения заставляет мозг генерировать максимальный выброс адреналина даже тогда, когда сознание понимает неизбежность конца. Мозг борется до последней секунды. Если мы научимся отключать этот инстинкт или, наоборот, вызывать его искусственно на ровном месте... мы получим абсолютное оружие.

Через три минуты на месте, где лежал Мейсон, осталась лишь ровная, пузырящаяся серая гладь. Жёлоб продолжал подавать раствор, укрывая тело новым слоем.

Хейз бросил окурки прямо в котлован, развернулся и пошёл к чёрному «Кадилаку», не оглядываясь.

Сцена 2. Директива «Черный квадрат»

Вашингтон, округ Колумбия.

Один из подземных кабинетов штаб-квартиры.

09:15 утра.

Запах дорогого табака «Латакия», полированного орехового дерева и старой кожи. На столе из массива дуба лежала одна-единственная папка из плотного крафтового картона без штампов и грифов.

В кабинете находились трое. Хейз, уже переодетый в свежий сухой костюм-тройку, сидел в кресле напротив человека, чьё имя не упоминалось в прессе без эпитета «архитектор победы».

— Комитет по ассигнованиям задаёт глупые вопросы, Ричард, — произнёс хозяин кабинета, неторопливо набивая трубку. — Из бюджета «потерялось» сорок тысяч долларов. На бумаге они ушли на закупку химикатов для дезинсекции армейских барачков в Западной Германии.

— Эти деньги уже работают, — спокойно ответил Хейз. — Мы зафрахтовали три частных клиники в Монреале и одну в Кентукки. Первые партии диэтиламида лизергиновой кислоты доставлены из Швейцарии. Поставки регулярные, через дипломатическую почту.

— А риски? Если сенатская комиссия пронюхает про опыты на гражданах?

Хейз чуть подался вперёд. Его голос стал тихим, но в нём прорезались стальные ноты:

— Какая сенатская комиссия? Какое гражданское право? Мы стоим на пороге войны нового типа. Идеологической, психологической, ментальной. Советы уже тестируют методы тотальной перепрошивки в лагерях ГУЛАГа. Если мы будем оглядываться на мораль, конституцию и нытьё гуманистов, через десять лет наши собственные граждане сами с песней пойдут строить коммунизм в Вашингтоне.

Он положил на папку свою сухую, бледную ладонь.

— Нам нужен абсолютный карт-бланш. Без финансового аудита. Без отчётов перед Конгрессом. Без контроля со стороны медицинской этики. Подопытные — это не люди. Это биоматериал. Расходный ресурс, такой же, как бензин для танков или порох для снарядов. Смерть сотни, тысячи или миллиона глупцов — это рассуждения дилетантов. После нас — хоть потоп. Главное — результат.

Хозяин кабинета молча смотрел на Хейза в течение долгой минуты. Затем он достал из внутреннего кармана перо с золотым наконечником, открыл папку и поставил короткую размашистую подпись внизу единственного листа.

Это была директива о запуске программы «МК-Ультра».

— Действуйте, Ричард, — негромко сказал он, закрывая папку. — И сделайте так, чтобы проливной дождь смыл все следы.

ГЛАВА 1. ЛАБОРАТОРИЯ № 4

Сцена 1. Стерильный ад

3 апреля 1955 года. Подземный комплекс «Ашленд», Кентукки.

11:15 утра.

Лифт спускался со скрежетом, от которого закладывало уши. За стальной решёткой мелькали пронумерованные уровни, пока на отметке «минус четыре» кабина не замерла с тяжелым гидравлическим вздохом.

Доктор Артур Вейн поправил очки и судорожно сжал ручку кожаного саквояжа. Ему обещали исследовательскую работу в закрытом научно-исследовательском институте под эгидой Министерства обороны — передовые методы лечения острых психозов, неограниченный бюджет, доступ к новейшим препаратам. Но запах, ударивший ему в нос, как только двери открылись, не имел ничего общего с обычным больничным покоем.

Это была смесь ледяного, дистиллированного эфира, едкого формальдегида и едва уловимого, сладковатого душка подгнивающего сырого мяса, который безнадежно пытались глушить хлоркой.

— Добро пожаловать в «Лабораторию № 4», доктор Вейн, — произнёс голос справа.

Ричард Хейз стоял у стены, безупречно застёгнутый на все пуговицы белоснежного халата, накинутого поверх тёмного костюма. Кафель вокруг был настолько чистым, что отражал слепящий свет длинных люминесцентных ламп. Здесь не было окон, а звук гудящей вентиляции напоминал непрерывное дыхание какого-то огромного спящего зверя.

— Впечатляет, не правда ли? — Хейз жестом пригласил Вейна следовать за ним по бесконечному коридору. — Никаких шумов снаружи. Полная изоляция от внешнего мира. Идеальная среда для чистого научного эксперимента.

— Пространство выглядит... избыточно стерильным, — Вейн старался идти в ногу с куратором, но его шаги гулко отдавались от стен. — В документах, которые я подписывал в Вашингтоне, говорилось о реабилитационном центре.

Хейз усмехнулся, даже не повернув головы:

— Мы реабилитируем людские умы, Артур. Мы очищаем их от того мусора, который туда закладывает опасная идеология и собственные психологические пороки. Вы пришли сюда не лечить насморк. Вы пришли вместе с нами переписать саму природу человеческого разума.

Сцена 2. Объект № 17

Подземный блок «Дельта». Сектор изоляции.

14:30.

Они остановились перед тяжёлой герметичной дверью с круглым смотровым окошком из бронированного стекла. У двери стояли двое молчаливых санитаров с металлическими дубинками и шприцевыми пистолетами на поясе.

— Ваш первый пациент, — сказал Хейз, щелкнув тумблером на панели управления.

За стеклом находилась звукоизолированная комната, от пола до потолка выложенная гладкой, без единой трещины, темно-серой плиткой. В центре комнаты стоял металлический резервуар, напоминающий саркофаг, наполненный густой, прозрачной маслянистой жидкостью. Из резервуара торчала лишь голова человека. На его глаза были надеты плотные матовые очки, плотно закрывающие обзор, а на уши — массивные наушники, подающие непрерывный «розовый шум».

— Это капитан Фрэнк Миллер, — спокойно произнёс Хейз. — Бывший герой войны. А ныне — человек, попытавшийся передать сведения о нашей структуре гражданскому журналисту. «Объект № 17».

— Что с ним делают? — Вейн прижал пальцы к стеклу. Человек в ванне не двигался, но его губы непрерывно подрагивали, покрытые сухой белой коркой.

— В данный момент идет семьдесят второй час абсолютной сенсорной депривации, — раздался голодный, увлечённый голос Хейза. — Он не чувствует веса собственного тела благодаря подогретому минеральному маслу. Он ничего не видит и не слышит, кроме звука собственных внутренних органов и фонового шума. В его кровь через капельницу в паховой вене непрерывно подаётся максимальная доза ЛСД-25 — 500 микрограмм в час.

Вейн сглотнул. Такая дозировка могла навсегда выжечь рецепторы головного мозга, превратив психику в пепел.

— Но это же... это уничтожит его личность! Мозг в таких условиях начинает пожирать сам себя!

— В точку! — Хейз удовлетворённо кивнул. — Именно этого мы и добиваемся, Артур. Мы стираем прежнюю личность, как тряпка стирает мел с доски. А когда доска станет чистой, вы, как наш ведущий специалист, напишете на ней то, что нужно Правительству США.

Вдруг человек в саркофаге забился. По масляной глади пошли тяжелые волны. Миллер выгнул спину, вырываясь из фиксирующих ремней. Из его рта вырвался нечеловеческий, хриплый вопль — звук животного, с которого заживо сдирают шкуру.

Сцена 3. Дневник распада

Кабинет доктора Вейна.

03:15 ночи.

Лампа над столом бросала тусклый жёлтый круг на листы бумаг. Рука Вейна, держащая перьевую ручку, заметно дрожала. На столе стоял стакан с недопитым виски — единственное, что помогало глушить липкий, тошнотворный страх, въевшийся за этот день под кожу.

Он открыл личный тетрадный блокнот с кожаным переплетом и вывел на первой странице:

Из личных записей А. Вейна. Строго конфиденциально.

3 апреля 1955 года. День первый.

Я видел ад, и у него нет пламени. Он стерилен, выкрашен в белый цвет и пахнет формальдегидом.

Они называют это «нейтрализацией критического восприятия». На самом деле это аккуратное, планомерное сдирание человеческой души. Я наблюдал за Объектом № 17 в течение шести часов через смотровое окно.

Когда его вытащили из масляной ванны для проверки рефлексов, Миллер уже не осознавал, где находится. Его сознание распалось на тысячи кровавых осколков. Он не понимал, где верхушка его тела, а где ноги. Психоз, вызванный дозой лизергиновой кислоты в условиях полной изоляции, превратил его мозг в пылающий ад.

Но самое страшное произошло потом. Когда его положили на бетонный пол и на секунду ослабили фиксаторы, он не попытался бежать. Он пополз к гладкой кафельной стене.

Я видел это собственными глазами и не мог вымолвить ни слова. Миллер начал с остервенением скрести плитки. Он выдирает собственные ногти один за другим, оставляя на идеальном кафеле липкие, темно-красные полосы. Он пытался вогнать пальцы в невидимые щели, пытаясь «зацепиться за реальность», потому что его собственный разум в этот момент пожирала чудовищные галлюцинации.

Хейз стоял рядом. Он не скривился. Он лишь посмотрел на часы, достал блокнот и надиктовал ассистенту: «Порог физического самоповреждения при комбинации депривации и галлюциногенов достигается на 73-м часу. Внести правки в протокол допроса».

Боже мой... Куда я попал? Я думал, что служу науке. Но эти люди в белых халатах — палачи. Палачи с чёрными, выжженными душами. И самое ужасное... часть меня, как исследователя, заворожена тем, насколько легко и тотально можно уничтожить человеческое "Я".

Я не могу отсюда уйти. Я видел слишком много. Если я подам заявление об уходе, завтра на месте Объекта № 17 буду лежать я сам.

Вейн закрыл блокнот, пряча его в тайное двойное дно своего медицинского чемодана, защелкнул замки и закрыл лицо трясущимися ладонями. За стеной, где-то в глубине подземных коридоров «Лаборатории № 4», всё так же монотонно и невозможно гуляла система вентиляции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.